

О ВЛИЯНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ НА ПОЛИТИКУ РОССИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

А.М. Споршев,
магистрант ННГУ им. Лобачевского
sportshev@gmail.com
Научный руководитель:
А.С. Леонов,
старший преподаватель кафедры
европейского и международного права
юридического факультета
ННГУ им. Лобачевского,
руководитель Проекта и Модуля Жана Монне

Одной из особенностей современных международных отношений является рост влияния негосударственных субъектов, в частности преступных и террористических организаций. Глобальная политика членов мирового сообщества должна строиться и изменяться с обязательным условием учета этого фактора для достижения общих позитивных результатов.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года называет «деятельность террористических организаций, группировок и отдельных лиц» одним из основных источников угроз национальной и общественной безопасности [1], а в соответствии с целями Концепции внешней политики [2], Россия в сфере международной безопасности неукоснительно соблюдает свои международные обязательства по поддержанию режима международной законности, применяет в соответствии с международным правом и российским законодательством все необходимые меры по предупреждению терроризма и противодействия ему, защите государства и своих граждан от террористических актов, борьбе с распространением идеологии терроризма и экстремизма. Эти документы не только определяют подход России к данной глобальной проблеме, но и закладывают основу сотрудничества с мировым сообществом государств.

Однако сотрудничество в сфере противодействия международному терроризму в своей основе имеет ряд проблем, которые имеют различные основания. Среди них можно назвать: экономическую и политическую заинтересованность некоторых акторов мировой политики в поддержке террористических организаций ради достижения собственных целей; отсутствие единого концептуального подхода у государств к глобальной проблеме международного терроризма; неравные ресурсные возможности государств в борьбе с терроризмом и др. Важным вопросом, решение которого необходимо для нормативно-правового регулирования противодействия международному терроризму, в частности для принятия Всеобъемлющей конвенции по международному терроризму, является выработка универсальной дефиниции понятия «международный терроризм».

С точки зрения постпозитивистского подхода к методологии исследования философа Пола Фейерабенда, сформулировать объективное и истинное определение международного терроризма невозможно, так как на его разработчиков всегда влияют социально обусловленные ценности и идеологические установки [3]. Соглашаясь с этой позицией, швейцарский правовед К. Хейльброннер, считает, что это не является проблемой. Достаточно определить в виде перечня общественно опасные деяния, которые относятся к террористической деятельности и планомерно бороться с ними [4]. Данная позиция может подвергаться критике, однако сейчас система взаимодействия государств в области противодействия международному терроризму объективно функционирует в условиях терминологической неопределенности. Это подтверждает и А.Г. Волеводз, отмечая, что при отсутствии общепринятых дефиниций «терроризм» и «международный терроризм» сегодня сформирована и непрерывно эволюционирует система международного сотрудничества в противодействии этому явлению. Оно осуществляется на глобальном, региональном, субрегиональном и двустороннем уровнях. И эти уровни не являются взаимоисключающими, а дополняют друг друга [5; 151].

Говоря об источниках международных обязательств Российской Федерации в сфере противодействия международному терроризму, следует, прежде всего, обозначить ту систему классификации международных обязательств, которая была принята нами для представления результатов исследования – типология профес-

ра международного права факультета права Токийского университета Юджи Ивасава [6]. Японский исследователь предлагает выделять:

- a. Двусторонние обязательства;
- b. Обычные многосторонние обязательства;
- c. Взаимозависимые обязательства;
- d. Интегральные обязательства;
- e. Обязательства *erga omnes*.

Последние обязательства в силу самой своей природы "являются заботой всех государств, и с учетом значения прав, из которых они проистекают, все государства могут считаться обладающими юридическим интересом в их защите" [7; 115]. В юридический обиход обязательства «*erga omnes*» введены Международным судом ООН при рассмотрении дела *Barcelona Traction* [8]. Концепция *erga omnes* предполагает существование ответственности государств за нарушение некоторых обязательств перед всем мировым сообществом и каждым из его членов в отдельности. К ним, прежде всего, относят обязательства, из норм о запрещении агрессии, геноцида, о защите основных прав человека. Некоторые из соответствующих норм входят в состав общего международного права, другие содержатся в международных документах универсального или квази-универсального характера [9].

Исчерпывающего перечня обязательств *erga omnes* не существует, как и нет в доктрине международного права единства в вопросах о природе и содержании концепции. Может ли противодействие международному терроризму быть признано обязательством *erga omnes*? Считаем, что в силу повсеместной распространенности и общественной опасности международного терроризма, в связи с нарушением преступлениями террористического характера норм общего международного права в сфере защиты мира и обеспечения международной безопасности человечества, а также потому, что их устранение является всеобщей позитивной целью мирового сообщества государств, противодействие международному терроризму может и должно считаться обязательством *erga omnes*.

Как уже было сказано, нормы, порождающие обязательства перед всеми могут содержаться в международных документах универсального или квази-универсального характера. К универсальным документам, содержащим международные обязательства России в сфере противодействия международному терроризму относятся, например, Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом [10] и Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма [11], а кроме того, Устав ООН [12], являющийся основой сотрудничества государств в сфере противодействия международному терроризму. Устав ООН не содержит норм непосредственно регулирующих данную деятельность, однако при его создании закладывалась возможность соответствовать изменяющимся условиям среды. Этому служат, прежде всего принципы и цели Устава ООН. Так, развивая принцип, изложенный в пункте 4 статьи 2 Устава ООН, в соответствии с которым все члены ООН воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения, Совет Безопасности ООН указывает на обязанность государств воздерживаться от организации, поощрения террористических актов в другом государстве, содействия таким актам или участия в них, а также попустительства в пределах своей территории организованной деятельности, направленной на совершение таких актов, когда они связаны с угрозой силой или ее применением [13]. Из этого следует, что даже акт внутреннего законодательства государства, противоречащий глобальной политике противодействия международному терроризму, влечет за собой несоблюдение государством своих обязательств *erga omnes*. При этом Совет Безопасности ООН в пределах полномочий, предоставленных главой VII Устава ООН может не только налагать санкции или разрешать применение силы в целях поддержания или восстановления международного мира и безопасности к государствам-нарушителям, но и выступать в роли своеобразного законодательного органа. Сходной позиции относительно созидания норм, порождающих обязательства «*erga omnes*», в форме резолюций Совета Безопасности ООН придерживается профессор Анн Петерс, которая считает, что Устав ООН, имеющий особое юридическое свойство, наделяет Совет Безопасности специ-

альным статусом, благодаря которому он – в границах принципа законности – устанавливает обязательства «*erga omnes*» [14].

Учитывая вышесказанное особенно актуальны слова Д.А. Медведева, обозначающие официальную позицию России по неправомерному применению силы некоторыми странами Североатлантического альянса при попытке урегулирования внутренних конфликтов: «Резолюция Совета Безопасности должна исполняться в соответствии с буквой и духом права, а не в соответствии с теми произвольными интерпретациями, которые были даны отдельными государствами ... резолюции нужно выполнять, а не пытаться превышать мандат, который в этих резолюциях заложен. И это очень опасная тенденция в международных отношениях» [15].

В резолюции Совета Безопасности ООН № 2129 отмечается, что террористическая угроза «стала более распространенной, с увеличением в различных регионах мира террористических актов, в том числе мотивированных нетерпимостью и экстремизмом. Исполнительный директор Исполнительного директората Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН Жан-Поль Лабурд заявил: «Угроза терроризма растет и распространяется географически. Кто сказал бы 10 лет назад, что в Западной Африке будет терроризм? Все говорили о развитии [16]»..

Несмотря на глобальный характер современного терроризма, конкретные государства, группы государств или даже регионы, подвержены в различной степени террористическим проявлениям. Поэтому очевидно, что особую роль должны играть региональные и субрегиональные организации, которые непосредственно «живут» процессами, протекающими в оперативной обстановке региона и способны реагировать на них «изнутри» [17]. Региональным организациям под силу трансформировать рамочные, декларативные формы международных усилий, закрепленных в соответствующих резолюциях и рекомендациях таких организаций как ООН и Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) в стратегии и прикладные программы противодействия терроризму в регионе своей «ответственности».

В этой связи важное политическое и юридическое значение имеет участие России в таких региональных организациях, как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Содружество Независимых Государств (СНГ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Обращаясь к классификации международных обязательств Ю. Ивасава, можно заключить, что в рамках участия в соглашениях данных организаций принимаются обычные многосторонние обязательства - обязательства государств перед группой государств по многостороннему договору или обычаю (например, на основании ст. 8 Конвенции Шанхайской организации сотрудничества против терроризма 2009 года Стороны обязуются осуществлять меры по противодействию финансированию терроризма [18]).

Сотрудничество в области безопасности в формате региональных организаций, в частности проведение совместных учений, координация действий по противодействию международному терроризму, принятие ряда деклараций, заявлений, соглашений, конвенций и договоров позволяют достичь большего понимания в вопросах развития в регионе и мире. Единая позиция Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана – участников Организации Договора о коллективной безопасности выразилась в издании Совместного заявления на 72-й сессии ГА ООН «О противодействии международному терроризму». В нем особо подчеркивается, что международные инициативы в сфере противодействия терроризму и экстремизму должны соответствовать положениям Глобальной контртеррористической стратегии ООН, контртеррористических резолюций Совета Безопасности ООН, учитывать при этом национальный опыт и специфику государств. Эта позиция отражает и то, что при принятии и реализации антитеррористических мер, государства должны обеспечивать их соответствие международным стандартам в области прав человека, прав беженцев и гуманитарного права. Меры по борьбе с терроризмом, которые нарушают международные стандарты в области прав человека, являются контрпродуктивными. Они подрывают верховенство закона и авторитет государственных органов, а также их способность противостоять угрозе, которую представляет терроризм.

Противодействие международному терроризму относится к предмету деятельности и ОБСЕ. Эта работа играет центральную роль в усилиях ОБСЕ по противодействию транснациональным угрозам безопасности. Ее принципиальной и стратегической основой является "Консолидированная концептуальная база ОБСЕ для борьбы с терроризмом", которая определяет тесное международное взаимодействие важнейшим элементом и решающим фактором эффективного проведения антитеррористической политики и сотрудничества между странами-участницами [19]. ОБСЕ является площадкой для аккумулирования передового опыта и знаний экспертов из стран-участниц организации, государств других регионов мира и международных организаций с последующим формированием рекомендаций в сфере противодействия терроризму [17].

Россия, как активный участник региональных организаций, приняла ряд международных обязательств по противодействию международному терроризму, исполнение которых влечет необходимость изменения национального законодательства. Например, в 2016 году были внесены поправки в ряд антиэкстремистских и антитеррористических законов. Речь идет об изменениях, внесенных в Федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; «О противодействии терроризму»; в КоАП; в Уголовный кодекс, а также в ряд других законов. Всего было изменено 12 федеральных законов.

Что касается взаимозависимых и интегральных обязательств, то некоторые исследователи международного права считают, что под ними понимается одно и то же явление. Так Александр Сицилианос пишет: «... по модели Венской конвенции о праве международных договоров, Комиссия международного права ООН отдельно рассматривала категорию так называемых «интегральных» обязательств или (лучше) «взаимозависимых» обязательств. Эти обязательства, работа по безусловному исполнению которых всеми связанными ими государствами составляет *sine qua non* (необходимое условие) для функционирования системы, которую они создали» [20].

Ю. Ивасава разделяет взаимозависимые и интегративные обязательства, относя их при этом к обязательствам *erga omnes partes*. Обязательства «*erga omnes partes*» отличаются от обязательств «*erga omnes*». Они возникают на основании заключенного многостороннего договора, в то время как правовой основой обязательств *erga omnes* является общее международное право [21].

Взаимозависимыми считаются обязательства, исполнение которых является условием выполнения другим государством его обязательств. В качестве примера можно назвать обязательства из договоров о сокращении вооружений. В случае нарушения такого соглашения одной стороной, его исполнение остальными участниками теряет смысл, они признаются пострадавшей стороной.

К интегральным обязательствам относят обязательства по сохранению определенного правового режима, обеспечение которого является интересом всех участников международного соглашения, например международно-правовой режим мирового океана.

Отнести к двум вышеназванным категориям обязательства, вытекающие из норм о противодействии международному терроризму, весьма затруднительно в силу невозможности заключения в этой сфере соглашений, подразумевающих наличие взаимозависимых обязательств, а также из-за того, что международные режимы борьбы с терроризмом находятся на начальном этапе становления. Потребуется время, политическая воля и кропотливая работа по разработке международных правил и процедур в каждой из составляющих режимов.

Двусторонние обязательства государств возникают на основании двусторонних договоров или обычаев, а также они могут происходить из многосторонних договоров, предусматривающих, что одна сторона несет ответственность перед определенной стороной. Ярким примером последнего случая является Венская конвенция о дипломатических сношениях. Кроме того, двустороннее сотрудничество в сфере борьбы с международным терроризмом может осуществляться не только в формате «государство-государство», но и «государство-международная организация» (Россия – Европейский Союз; Россия — НАТО (В рамках Совета РФ – НАТО), а также «международная организация – международная организация». Двусторонние диалоги являются важными эле-

ментами продвижения двусторонних отношений, нацеленные на более тесное сотрудничество и выработку единых позиций и методов относительно глобальных проблем безопасности.

Политика России в области борьбы с терроризмом во многом обусловлена международными обязательствами, которые государство приняло на себя. Современная система антитеррористических институтов и норм имеет иерархичную структуру, в которой ООН играет ведущую роль, соответствующие конвенции и протоколы Организации, резолюции Совета Безопасности ООН образуют первичную международно-правовую основу для борьбы с терроризмом. Принятые в рамках региональных и субрегиональных организаций пакеты антитеррористических мер развивают общую глобальную стратегию и учитывают при этом местные особенности и локальный опыт. Двустороннее взаимодействие является первичным этапом сотрудничества и позволяет синхронизировать общую политику по борьбе с терроризмом, принимать наиболее конкретные и действенные правовые нормы.

Сотрудничество России с другими странами в сфере противодействия международному терроризму должно динамично развиваться, путем преодоления имеющихся противоречий и некоторого несовпадения интересов с одними государствами, а также укрепления взаимопонимания и взаимопомощи с другими государствами. Терроризм представляет собой глобальную угрозу, в равной мере направленную против всех стран. Поэтому ответ мирового сообщества должен быть столь же глобальным, согласованным и решительным [22].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 04.01.2016, № 1 (часть II), ст. 212
2. Указ Президента РФ от 30.11.2016 N 640 "Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации" // "Собрание законодательства РФ", 05.12.2016, № 49, ст. 6886
3. Фейерабенд, П. Наука в свободном обществе / Пол Фейерабенд; пер. с англ. А. Л. Никифорова. — М.: АСТ: АСТ Москва, 2010. — С. 378.
4. Heilbronner K. Rechtsfragen der internationalen Terrorismusbekämpfung // Schweizerisches Jahrbuch für internationales Recht. Bd. 47. Zürich, 1991. 266 s.
5. Волеводз А.Г. Международно-правовая криминализация международного терроризма // Вестник МГИМО. 2014. №2 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovaya-kriminalizatsiya-mezhdunarodnogo-terrorizma> (дата обращения: 10.03.2018).
6. Y. Iwasawa The Diversity of International Obligations: With a Focus on Obligations erga omnes, in J. Nakagawa, K. Teraya (eds.), Essays in Honor of Professor Yasuaki Onuma: Horizons of International Law: History, Theory, and Positive Analysis, Tokyo, 2008, p. 123.
7. Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. М.: Волтерс Клувер, 2004. Т. 1: Заключение международных договоров. С. 672.
8. Леонов А.С., Споршев А.М. Противодействие международному терроризму как обязательство «erga omnes» // Вестник Нижегородского государственного университета. 2018. № 2 (принята к печати).
9. Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain) (Second Phase – Judgment) I.C.J Reports 1970, p. 32
10. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Заключена в г. Нью-Йорке 15.12.1997) // Бюллетень международных договоров. 2001. N 11. С. 5 - 14.
11. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (Нью-Йорк, 13 апреля 2005 г.) // Бюллетень международных договоров. 2008. № 12.
12. "Устав Организации Объединенных Наций" (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // "Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами", Вып. XII, - М., 1956, С. 14 - 47.

13. S/RES/748 (1992) – Резолюция Совета Безопасности ООН № 748 от 31 марта 1992 года
14. Peters A. Security Council Resolution 2178: The “Foreign Terrorist Fighter” as an International Legal Person, Part I. 2014 URL: <https://www.ejiltalk.org/security-council-resolution-2178-2014-the-foreign-terrorist-fighter-as-an-international-legal-person-part-i/> (дата обращения: 04.03.2018).
15. Сайт Президента Российской Федерации. Ответы на вопросы российских журналистов 14.04.2011 г., Китай, Хайнань, г. Санья. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/10940> (дата обращения: 01.03.2018).
16. United Nations [Электронный ресурс]: Security Council renews CTED mandate. URL: http://www.un.org/en/sc/ctc/news/2013-12-17_CTED_Mandate_renewal.html (дата обращения: 01.03.2018).
17. Гридчин А.А., Пашкевич А.В. Современные локальные конфликты и терроризм: источники и репродуцирующие механизмы. Роль международных и региональных организаций как стабилизаторов мировой безопасности // Информационный бюллетень АТЦ СНГ №19, 2012 г. URL: <http://www.cisatc.org/134/157/566.html> (дата обращения: 12.03.2018).
18. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (Екатеринбург, 16 июня 2009 г.) // Бюллетень международных договоров. 2012. N 10. С. 68 - 82.
19. Консолидированная концептуальная база ОБСЕ для борьбы с терроризмом (Решение № 1063 Постоянного совета Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (PC.DEC/1063) от 7 декабря 2012 г. 934-е пленарное заседание) // PC Journal No. 934, URL: <https://www.osce.org/ru/pc/98542> (дата обращения: 11.03.2018).
20. Linos-Alexander Sicilianos The classification of obligations and the multilateral dimension of the relations of international responsibility // European Journal of International Law. 2002, vol. 13 no. 5, 1127-1145
21. Коптева Е. А. Классификация международных обязательств // Евразийская адвокатура. 2013. № 1 (2). — С. 114—117.
22. Заявление о совместных действиях Российской Федерации и Королевства Испания в борьбе с терроризмом от 9 февраля 2006 года URL: <http://kremlin.ru/supplement/3692>

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ
ст. 110.1 УК РФ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ**

И.Э. Сураев,
студент ЧОУ ВО «ОмЮА»
направление «Юриспруденция»
suraev.igor@yandex.ru
Научный руководитель:
Ю.С. Пестерева,
доцент кафедры уголовного
права и криминологии ОмЮА,
кандидат юридических наук, доцент

Проблема суицидов в Российской Федерации приобрела в последнее время особенно важное значение. Наша страна до сих пор остаётся в числе стран, с наиболее высоким уровнем суицидов [1]. Особый общественный резонанс приобрела проблема массового вовлечения в суицидальные группы несовершеннолетних (группа «синий кит»). Это повлекло изменения в уголовном законодательстве, в части ужесточения ответственности за содействия самоубийствам (ст. 110.1, 110.2 УК РФ). Необходимо отметить, что среди учёных, вопросы отграничения самоубийств от «посредственных» убийств вызывает широкие дискуссии. Обратимся к наиболее спорным аспектам отграничения убийств от самоубийств.

Для того чтобы начать исследование проблемы, нам необходимо ввести в оборот понятие «самопричинение смерти», под которым будет пониматься причинение самому себе повреждений, влекущих за собой смерть, разновидностями которого будут являться *несчастный случай* и *самоубийство*. Последнее в свою очередь бывает двух разновидностей – *самоубийство без внешнего понуждения (самоубийство в чистом виде)* и *самоубийство под понуждением*,